
Станислав Лем
4

Путешествие двадцать третье
Станислав Лем

Станислав Лем. Путешествие двадцать третье

Станислав Лем
Путешествие двадцать третье

В «Космозоологии», известном труде профессора Тарантоги, я прочитал о планете, обращающейся вокруг двойной звезды Эрпея, планете такой маленькой, что если бы все ее жители одновременно покинули свои жилища, то они могли бы поместиться на ее поверхности только в том случае, если бы каждый стоял на одной ноге. Хотя профессор Тарантога и считается признанным авторитетом, это утверждение показалось мне преувеличенным, и я решил сам проверить его справедливость.

Добирался я туда с приключениями: в районе переменной — 463 у меня испортился двигатель, и ракета начала падать на звезду, что меня весьма обеспокоило, поскольку температура этой цефеиды составляет 600 тысяч градусов по Цельсию. Жара увеличивалась с каждым мгновением и, наконец, стала настолько невыносимой, что я не мог работать иначе, как втиснувшись внутрь маленького холодильника, в котором обычно держу продовольствие — поистине странный случай, мне бы и в голову не пришло, что я могу оказаться в гаком положении. Благополучно исправив повреждение, я без всяких препятствий долетел до Эрпеи. В этой звездной паре одна звезда большая, красная, как печь, и не слишком горячая,

другая же голубая, излучающая страшный жар. Сама планета действительно была настолько мала, что я нашел ее с большим трудом, только переворошив все окружающее пространство. Ее обитатели, бжуты, приняли меня чрезвычайно гостеприимно.

Удивительно прекрасны поочередные восходы и закаты обоих солнц; необыкновенные зрелища возникают также при их затмениях. Половину суток светит красное солнце, и тогда все предметы выглядят так, словно их окунули в кровь; другую половину суток светит голубое солнце, такое яркое, что приходится все время ходить с закрытыми глазами; и все равно видно вполне сносно. Совершенно не зная темноты, бжуты голубое время суток называют днем, а красное — ночью. Места на планете в самом деле удивительно мало, но бжуты — существа с очень высоким интеллектом, обладающие большими познаниями, особенно в области физики, отлично справляются с этой трудностью; правда, способ, которым они пользуются, несколько своеобразен. В соответствующем учреждении с каждого жителя планеты с помощью чрезвычайно точной рентгеновской установки снимается так называемая «автограмма», то есть деталь-

ная схема, на которую нанесены все до единой материальные частицы, молекулы белка и химические соединения, из которых построено его тело. Когда приходит время отдыха, бжут влезает через небольшую дверцу в специальный аппарат и в нем распыляется на атомы. Занимая в таком виде очень мало места, он проводит ночь, а утром в назначенное время будильник включает аппарат, который на основания атомограммы вновь соединяет все частички в нужном порядке и очередности, дверца открывается, и бжут, возвращенный к жизни, пару раз зевнув, отправляется на работу.

Бжуты расхваливали мне удобства этой системы, подчеркивая, что при ней нет и речи о бессоннице, сновидениях и ночных кошмарах, поскольку аппарат разлагает тело на атомы, лишая его жизни и сознания. Этим способом они пользуются также и в других случаях, например: в приемных врачей и в учреждениях, где вместо стульев стоят маленькие, покрашенные в розовый и голубой цвета коробки аппаратов, на некоторых заседаниях и собраниях — одним словом, везде, где человек обречен на скуку и бездеятельность совершенно ничего не делая, фактом своего существования только занимает

место. Этим же остроумным способом бжуты привыкли путешествовать: тот, кто хочет куда-нибудь отправиться, пишет на карточке адрес, наклеивает ее на маленькую кассету, которую ставит под аппарат, входит внутрь и, разложенный на атомы, попадает в кассету. Существует специальная организация, нечто вроде нашей почты, занимающаяся отправкой таких посылок по указанному адресу. Если кто-нибудь особенно спешит, то на место назначения телеграфом пересылается его атомограмма, и там он воспроизводится в аппарате. Оригинал бжута распыляют и сдают в архив. Этот способ телеграфного путешествия, как очень быстрый и простой, весьма соблазнителен, но таит в себе и некоторые опасности. Как раз, когда я приехал, пресса сообщила о невероятном происшествии.

Один молодой бжут, по имени Термофелес, должен был отправиться в местность, расположенную на другой стороне планеты, чтобы там жениться. Желая, с понятным у влюбленного нетерпением, как можно скорее предстать перед своей избранницей, он пошел на почту и был телеграфирован; сразу же после этого телеграфист вышел по какому-то срочному делу, а сменивший его служащий, не зная, что Термофелес уже

отправлен, выслал его атомограмму вторично; и вот перед стосковавшейся нареченной предстают два Термофелеса, похожие как две капли воды. Трудно описать страшное замешательство и беспомощность бедняжки и всей свадебной процессии. Одного из Термофелесов пытались уговорить, чтобы он согласился распылиться на атомы и тем самым положил конец неприятному инциденту, но ничего не вышло, поскольку каждый из них упрямо твердил, что именно он настоящий, подлинный Термофелес. Дело попало в суд и пошло бродить по разным инстанциям. Приговор высшей инстанции был вынесен уже после моего отлета, и я не могу сказать, чем все кончилось[Как мы узнали, суд решил распылить обоих женихов, а потом воспроизвести только одного — воистину соломоново решение. *(примечание редакции).*].

Бжуты настойчиво уговаривали меня, чтобы я воспользовался их методом отдыха и путешествий, уверяя, что ошибки, подобные описанной. — огромная редкость и что сам процесс не содержит в себе ничего загадочного или сверхъестественного, поскольку, как хорошо известно, живые организмы построены из той же самой материи, что и все окружающие нас предметы,

планеты и звезды; разница состоит только во взаимном расположении и соединении частиц. Все их аргументы я прекрасно понимал, но, несмотря на это, оставался глух к уговорам.

Однажды вечером со мной произошло необычное приключение. Я пришел к знакомому бжуту, забыв предупредить его о своем визите по телефону. В комнате, куда я вошел, никого не было. Разыскивая хозяина, я поочередно открывал разные двери (в невиданной, но обычной для жилищ бжутов тесноте), наконец, приоткрыв дверцу еще меньшую, чем все остальные, я увидел как бы внутренность небольшого холодильника, совершенно пустого, за исключением полки, на которой стояла маленькая кассета, наполненная сероватым порошком. Я машинально взял горсть порошка и, вздрогнув от стука открывавшейся двери, просыпал его на пол.

— Что ты делаешь, уважаемый чужестранец! — крикнул сын хозяина, ибо это он вошел в комнату. — Ведь ты рассыпаешь моего папу!

Услышав эти слова, я испугался и очень огорчился, но малыш воскликнул:

— Ничего, ничего, не волнуйся!

Он выбежал во двор в через несколько минут вернулся, неся большой кусок угля, пакет сахара,

щепотку серы, маленький гвоздик и пригоршню песка; все это он бросил в кассету, закрыл дверцу и нажал на кнопку выключателя. Я услышал что-то вроде глухого вздоха или причмокивания, дверца отворилась, и мой знакомый бжут появился в ней, здоровый и невредимый, смеясь при виде моего замешательства. Позднее, во время беседы, я поинтересовался, не причинил ли я ему какого-нибудь вреда, рассыпав часть вещества его тела, и спросил, каким образом его сын сумел так просто исправить мою неловкость.

— Ах, это пустяки, — сказал он. — Ты мне нисколько не повредил, не о чем говорить! Ведь ты, наверное, знаешь, милый чужестранец, результаты физиологических исследований: они показали, что все атомы нашего тела непрестанно заменяются новыми; одни связи распадаются, другие образуются; убыль пополняется с потреблением пищи и напитков, а также благодаря процессу дыхания; все это вместе взятое называется обменом веществ. Таким образом, атомы, которые составляли твое тело год назад, давно уже его покинули и бродят где-то далеко; неизменной остается только общая структура организма, взаимное расположение материальных частиц. В способе, которым мой сын пополнил

запасы материи, необходимые для моего воссоздания, нет ничего необычного, ведь наши тела состоят из углерода, серы, водорода, кислорода, азота и щепотки железа, а вещества, которые он принес, содержат именно эти элементы. Прошу тебя войти в аппарат, и ты сам убедишься, какая это невинная процедура…

Я отклонил предложение моего любезного хозяина и еще некоторое время сомневался, стоит ли им воспользоваться, но в конце концов после долгой внутренней борьбы принял смелое решение. В рентгеновском кабинете мне сделали просвечивание, составили мою атомограмму, затем я отправился к своему знакомому. Залезть в аппарат оказалось не так-то просто, комплекция у меня весьма солидная, так что благожелательный хозяин вынужден был мне помочь; дверцу удалось закрыть только при помощи всей семьи. Замок щелкнул, и стало темно.

Того, что было дальше, я не помню. Я почувствовал только, что мне очень неудобно и что край полки уперся мне в ухо, но прежде чем я успел пошевелиться, дверца отворилась, и я выбрался из аппарата. Я сразу же спросил, почему отменен эксперимент, но хозяин с доброй улыбкой сообщил мне, что я ошибаюсь. Взглянув на стенные

часы, я убедился, что действительно пробыл внутри аппарата двенадцать часов, совершенно без сознания. Единственное мелкое неудобство заключалось в том, что мои карманные часы показывали то же время, что и в тот момент, когда я входил в аппарат: будучи, как и я, распылены на атомы, они, естественно, не могли ходить.

Бжуты, с которыми меня связывали тесные узы взаимной симпатии, рассказывали мне и о других способах использования аппарата. У них существует такой; обычай: выдающиеся ученые, если их волнует проблема, которой они не могут решить, проводят внутри аппарата десятки лет, потом воскрешенные выходят на свет, интересуются, разрешена ли уже эта проблема, если же этого не случилось, они снова распыляются и поступают так до тех пор, пока проблема не будет решена.

После первого успешного эксперимента я так осмелел, так вошел во вкус неизвестного мне до сих пор способа отдыха, что не только ночи, но каждую свободную минуту проводил разатомленный; это можно было сделать в парке, на улице — везде стояли аппараты с маленькими дверцами, похожие на почтовые ящики. Нужно было только не забывать ставить будильник на

нужный час; рассеянные индивиды забывают об этом и могли бы покоиться в аппарате вечно, если бы не существовало специального института контролеров, которые ежемесячно проверяют все аппараты.

К концу моего пребывания на планете я стал настоящим энтузиастом метода бжутов и пользовался им, как я уже говорил, на каждом шагу. Увы, за этот энтузиазм мне пришлось заплатить дорогой ценой. Однажды аппарат, в котором я находился, чуточку испортился и, когда будильник утром включил контакты, молниеносно воспроизвел меня, но не в обычном виде, а в образе Наполеона Бонапарта, в императорском мундире, с трехцветной перевязью Почетного легиона, со шпагой на боку, с переливающейся золотом треуголкой на голове, а также со скипетром и державой — так я и предстал перед пораженными бжутами. Они мне сразу же посоветовали подвергнуться переделке в ближайшем исправном аппарате, что не составило бы ни малейшей трудности при наличии моей правильной атомограммы, но я почувствовал такое предубеждение против самой идеи, что удовольствовался заменой треуголки на шапку с наушниками, шпаги — на столовый прибор, а

скипетра и державы — на зонтик. Когда я уже сидел за рулем ракеты, а планета осталась далеко позади во мраке вечной ночи, мне вдруг пришло в голову, что я поступил легкомысленно, лишив себя осязаемых доказательств, которые придали бы моим словам достоверность. Но было уже поздно.